

те примечательные события, о которых в новеллах рассказывалось. А в своей совокупности новеллисты французского Ренессанса дали очень разнообразную, богатую подробностями и оттенками картину жизни своего времени ничуть не хуже, чем мемуаристы, и, бесспорно, лучше, чем авторы политических трактатов, обрисовав своих современников, выведя на страницах своих книг представителей всех общественных кругов – от «добротного короля Франциска» и его придворных до последнего работника на ферме или церковного служки. И начало этому было положено книгой «Сто новых новелл», уже в 1486 году напечатанной в одной из парижских типографий.

До 1549 года, когда появилась довольно плоская переработка «Ста новых новелл» (ее автором был некий Ламотт Руллан), книга издавалась не меньше пятнадцати раз. Это говорит как о ее популярности, так и о том, что потребность в новеллистике была немалая. Она восполнялась и переводами. В 1485 году вышел перевод «Декамерона», сделанный Лоран де Премьефе, в 1496 году – перевод «Фацций» Поджо, выполненный Гийомом Тардифом. Отметим, что оба эти перевода не то чтобы вольно интерпретировали оригинал, но добавляли к нему обширные моралистические рассуждения (инерция Средневековья, как видим, преодолевалась не без труда).

От подобных морализации была совершенно свободна книга Филиппа де Виньёля (1471–1528), первого вполне оригинального французского новеллиста XVI столетия. Он был уроженцем Меца, провел там почти всю жизнь. Всеми уважаемый и весьма состоятельный городской сапожник и торговец сукном, Филипп оставил немалое и довольно разнообразное литературное наследие (переработки старых эпических преданий, переделки местных средневековых хроник, пространный дневник и т. д.). Самое значительное, над чем он работал между 1505 и 1515 годами, – это сборник небольших рассказов. Автор назвал его вполне сознательно «Ста новыми новеллами».

Книга Филиппа обнаруживает в ее авторе знакомство как с одноименным анонимным сборником XV века, так и с переводами Боккаччо и Поджо. Мецкий летописец тоже хотел создать законченный новеллистический сборник. Но подлинного обрамления Филипп де Виньель придумать не сумел: его книга – это лишь собрание рассказов на самые разные темы. Видимость единства достигается автором тремя способами: во-первых, постоянными отсылками – в зачинах и концовках – от одной новеллы к другой, во-вторых, путем группировки новелл по темам (так, новеллы 2–18 в основном повествуют о служителях церкви, новеллы 33–37 рассказывают о сборщиках пожертвований, новеллы 38–46 выводят в качестве центральных персонажей женщин и т. д.), в-третьих, посвящая, по сути дела, всю книгу изображению своих современников и земляков. Последнее, пожалуй, наиболее примечательно и ценно, хотя значение книги Филиппа, при всей ее литературной необработанности и косноязычии, не следует сводить к одной лишь документальности. Ведь не в том дело, конечно, что писатель изобразил свой город и его жителей в различные периоды их бытия и увлекательно поведал о примечательных, забавных, подчас скандальных событиях городской хроники, а в том, что он сумел увидеть в рядовом происшествии напряженный внутренний «сюжет», что он стремился выявить типическое в казалось бы случайном, то есть по-своему осваивал приемы изображения той действительности, которую видел постоянно и, следовательно, хорошо знал.

Своей книгой Филипп де Виньель, как явствует из его «Хроники Меца, Лотарингии и Франции» и дневника, весьма гордился. По-видимому, она пользовалась некоторой известностью в его родном городе. Но печатного станка она так и не увидела (первое ее полное издание появилось лишь в 1972 г.), да автор к этому и не стремился, он вполне удовлетворялся положением местного «летописца» еще в средневековом понимании этого слова.

В этом отношении к Филиппу де Виньёлю очень близок еще один новеллист первой половины века, Никола де Труа.⁴ Точных сведений о его жизни нет. Мы знаем лишь, что он был уроженцем Труа, столицы Шампани, жил в первой половине XVI века, происходил из состоятельной семьи горожан. Как и Филипп, Никола был в своем городе на виду: опытный мастер-шорник, он часто общался с представителями высшего общества и близкой ко двору интеллигенции. От него он и воспринял живой интерес к литературе, начал собирать книги, а затем и сам взялся за перо. Благодаря знакомству со «Ста новыми новеллами» и ранними французскими изданиями «Декамерона» он около 1536 года закончил свой новеллистический цикл, который он многозначительно

⁴ См. о нем: Kasprzyk K. Nicolas de Troyes et le genre narratif en France au XVI siècle. Warszawa – Paris, 1963